

АНАЛИЗ ОСТАТКОВ ТЕКСТИЛЯ С КИНЖАЛА ИЗ МОГИЛЬНИКА НОВОТРОИЦКОЕ-2

Целью работы является введение в научный оборот результатов предварительного технико-технологического анализа остатков ткани, найденных в третьем погребении пятого кургана некрополя Новотроицкое-2, обнаруженных в ходе экспедиции А.П. Уманского в Тальменском районе Алтайского края в 1986 г. Описываемый фрагмент ткани представляет собой образец текстиля, вероятно, обмотки рукоятки кинжала, который также мог относиться к полам наплечной или гашнику поясной одежды. Анализ находки позволил пролить свет на некоторые особенности оформления погребальной одежды древнего населения Верхнего Приобья.

Ключевые слова: предметный комплекс одежды; ранний железный век; Верхнее Приобье; фрагменты текстиля.

Общеизвестно, что в силу существующих климатических условий органические находки в археологических комплексах Верхнеобского бассейна, как правило, не сохраняются. Находки древних тканей в погребальных памятниках единичны и представлены: остатками тканей (20 экз.), оттисками на керамике (14 экз.) и следами на окислах металлических изделий (37 экз.) [1. С. 59; 2. С. 60, 117; 3. С. 117; 4. С. 24, 26; 5. С. 120; 6. С. 17–115]. К числу последней категории находок относятся два фрагмента текстиля, пригoreвшие к наверху и рукояти кинжала, обнаруженного в третьем погребении пятого кургана некрополя Новотроицкое-2 А.П. Уманским в ходе археологической экспедиции Барнаульского педагогического института в 1986 г.

Погребальный комплекс пятого кургана могильника Новотроицкое-2 уже опубликован в специализированном издании [6. С. 81], однако его внутренняя структура и логика изложения не позволили авторам уделить отдельное внимание технико-технологической характеристике фрагментов исследуемой нами ткани. Контекст обнаружения находки следующий: в периферийном (третьем) погребении кургана номер пять на дне могильной ямы был расчищен скелет взрослого мужчины, погребенного на спине, вытянуто, с раскинутыми руками и раздвинутыми ногами, головой ориентированный на запад – юго-запад. Между берцовыми костями левой ноги и обкладкой наклонно стоял бронзовый котёл на поддоне с отломанной в древности ручкой и двумя отверстиями в стенках. Стенки котла изнутри и снаружи были покрыты слоем нагара. Внутри котла находились остатки довольно толстых кожаных ремней шириной около 2 см. Справа, между бедром и кистью, лежал кинжал (рис. 1). Рядом с ним находился оселок из светло-коричневого мелкозернистого песчаника с отверстием для подвешивания, заполированный, с лёгкими поперечными штрихами от заточки. От ножен кинжала, кроме следов ожелезнённого дерева, сохранились железная ворворка и две бронзовые бляшки с перемычками на обороте. На перемычках бляшек остались ремешки. У кольцевидной бляшки конец ремешка был завязан узелком, а у второй захлестывался таким образом, что при натяжении не соскакивал. А.П. Уманский предположил, что обе бляшки не нашивались на пояс, а являлись своеобразными пуговицами, крепившимися на концах ремешков ножен. Около конца кинжала

находились плохо сохранившиеся и сгнившие между собой железный костыль с остатками распавшейся петельки и фрагмент квадратного в сечении чуть изогнутого стержня, обёрнутого кожей. У ступни правой ноги лежало десять наконечников стрел, из них четыре железных черешковых трёхлопастных, один железный втульчатый трёхгранный, два роговых (костяных) черешковых и три роговых (костяных) наконечника с расщеплённым насадом. Под костяком в области пояса обнаружен железный колчаный крючок. В настоящее время описываемые находки хранятся в Историко-краеведческом музее Алтайского государственного педагогического университета. Настоящая работа посвящена анализу текстильных материалов, происходящих из описанного погребения.

Рис. 1. Кинжал с пригoreвшими фрагментами ткани из могилы третьего погребения пятого кургана некрополя Новотроицкое-2

Интерес к изучаемому объекту историко-культурного наследия определяется тем, что с его помощью мы можем попытаться охарактеризовать текстуру ткани, плетение и способ оформления рукояти кинжалов обмоткой, пол наплечной или гашника поясной одежды населения Верхнего Приобья скифского времени. (Терминология составляющих элементов одежды приводится по публикации Н.Н. Головченко и А.Н. Телегина [7].) К сожалению, контекст обнаружения кинжала в районе пояса погребенного не позволяет точно определить принадлежность обследованных находок. Методическую основу нашего анализа тканей составляют разработки Т.Н. Глушковой [8–11].

Прежде чем приступить непосредственно к исследованию тканей, позволим себе сделать еще несколько замечаний о кинжале. Кинжал имеет длину

примерно 28 см, покоится в деревянных ножнах и обладает рожковидным навершием и узким бабочковидным перекрестием. Как уже отмечалось выше, один фрагмент ткани сохранился на рукояти изделия, а другой – на загибающемся рожке навершия, который в силу более агрессивных условий окисления оказался увеличенным в 1,5–2 раза (рис. 2).

Анализируемый нами фрагмент ткани с рукояти кинжала характеризуется темно-коричневым цветом, полотняным плетением плотными одинарными S-кручения нитями. Судя по выявленным в ходе микроскопического и органолептического обследования находки волокнам, сырьевую основу ткани составляла шерсть. Последнее, в целом, соответствует нашим представлениям о развитии ткачества на территории юга Западной Сибири в эпоху раннего железа [11. С. 286; 12; 13; 14. С. 24–27; 15. С. 67].

Рис. 2. Рукоять и навершие кинжала из могилы третьего погребения пятого кургана некрополя Новотроицкое-2

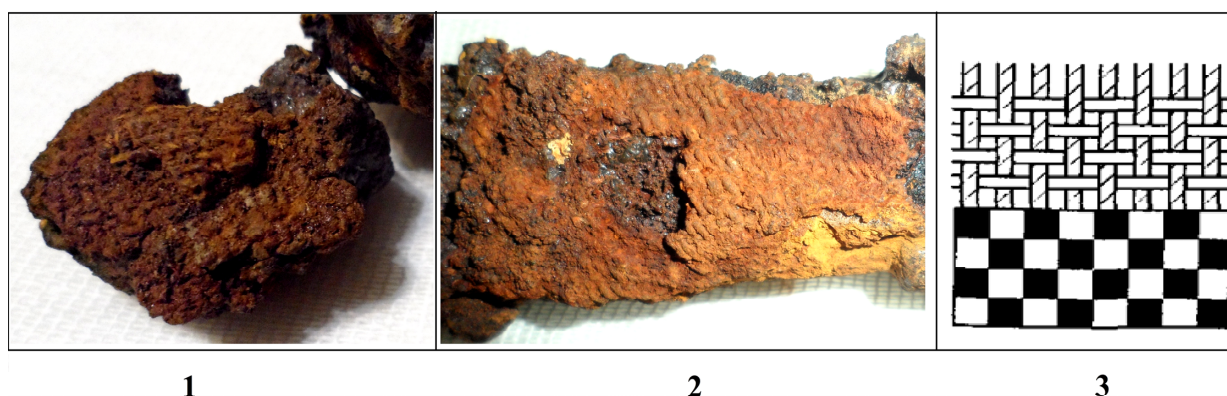

Рис. 3. Фото и схема плетения фрагментов ткани из могилы третьего погребения пятого кургана некрополя Новотроицкое-2 (фото Н.Н. Головченко): 1 – фрагмент ткани на рукояти; 2 – фрагмент ткани на навершии; 3 – схема плетения ткани

Ткань полотняного плетения обычной структуры имеет относительно неоднородную фактуру вследствие плохой сохранности. Нити предполагаемых «основы» и «утка» (определения даны в кавычках, так как нам не удалось выявить кромки, позволяющие определить систему основных и уточных нитей) имеют одинаковое направление крутки (S-кручение), толщина нитей, насколько об этом можно судить, почти одинакова (рис. 3). Степень натяжения нити уста-

новить сложно, в силу того что фрагмент ткани имеет небольшой размер и к тому же пригорел к рукояти кинжала. Изучаемый объект явных ошибок в плетении не имеет. Аналогии таким полотняным тканям выявлены в ряде археологических памятников юга Западной Сибири, Северной Азии [15. С. 10–59; 16. С. 180–187] и Верхнего Приобья [17].

Второй фрагмент ткани, пригоревший к рожку навершия кинжала, тоже имеет темно-коричневый,

коричневый цвет и плотняное плетение нитями S-кручения и по все параметрам аналогичен вышеописанному образцу, что наводит на мысль о том, что оба фрагмента принадлежат одной тканевой основе. Такая основа могла представлять собой обмотку рукояти кинжала, однако тканевой нагар выявлен лишь на одной стороне рукояти. Последнее обстоятельство позволяет отнести выявленные фрагменты ткани к основе одежды, но невозможно установить, какой: наплечной или поясной. Против интерпретации описываемого текстиля как обмотки рукояти кинжала косвенным образом свидетельствует то, что, несмотря на незначительные размеры, фрагменты ткани некогда являли собой цельное полотно. Последнее нерационально и нетипично для технологии изготовления боевого оружия, в том числе и скифского, потому что ткань на металлической рукояти орудия неизбежно скользила и истиралась. Известно, что для обмотки и оплетения рукояти различными народами использовались кожа, плетеные шнуры, но не текстильное полотно. Поэтому, вероятно, верным будет отнесение анализируемых тканей к основе одежды.

Аналогичные нашим материалам ткани были обнаружены в погребальных памятниках Верхнего Приобья, Западной Сибири, Горного Алтая и пустыни Такла-Макан [15–18]. Наиболее близкое сходство прослеживается между описываемыми нами материалами и образцами текстиля, происходящими из могилы девять раскопа восемь могильника Новотроицкое-1. Там была обнаружена ткань полотняного плетения основы ворота, имеющая обычную структуру и неоднородную фактуру (возможно, вследствие плохой сохранности). Нити предполагаемых «основы» и «утка» (определения даны в кавычках, так как нам не удалось выявить кромки, позволяющие определить систему основных и уточных нитей) имеют одинаковое направление крутки (S-кручение), толщина нитей почти одинакова. Общее слабое натяжение нитей в полотне ткани, должно быть, свидетельствует о том, что она была изготовлена на простом приспособлении без жесткого закрепления нитей, возможно, на вертикальном ткацком станке, хотя из-за отсутствия кромок с уверенностью говорить об этом нельзя. Вероятно, последнее суждение можно считать правомерным и для образцов текстиля, происходящих из Новотроицкого-2.

Схожесть текстильных материалов из обоих могильников не только подтверждает наблюдения об их одновременности и культурном единстве, но и позволяет сделать вывод о существовании на территории Верхнего Приобья традиции изготовления одежды из ткани полотняного плетения. В то же время шерсть как сырьевая основа одежды вплетена в верования различных народов мира, в том числе индоиранские, и населения Верхнеобского бассейна эпохи раннего железа в частности. К примеру, в Ригведе не редки сравнения хорошего жертвенного приношения, выполненного по обряду, с качественно выделанной шерстью [19. С. 11]. Обращаясь к Апри (персонифицированное название литургических гимнов, приглашающих богов к жертвоприношению), гимнопевец просит жертву: «Мягкая,

как шерсть, растелись» [19. С. 11]. Аллегорически ткачество сравнивается с движением Солнца по небосклону, а шерсть (ткань) – с солнечным светом: «Такова божественная природа Сурьи, таково величие: посреди работы он собирает натянутую ткань» [20. С. 140]. Деятельность Сурьи (ежедневный восход и заход Солнца) один из авторов гимнов сравнивал с ежедневным пением гимнов: «Соткан мой труд, и снова ткется все он же» [Там же. С. 132]. Примечательно, что Сурья – солнечное божество, ткач, имел своим аватаром барана, образ которого часто фигурирует на головных уборах кочевников. Также из бараньей шерсти изготавливалась одежда, таким образом, ношение одежды и процесс ее изготовления становились сокращенным действием, своего рода обрядами с сопутствующими им ритуалами, вероятно, связанными с приобщением погребяемого носителя к фарну божества [21. С. 135–140; 22. С. 111–116].

Вероятно, что за использованием шерсти в качестве основы для изготовления одежды, в том числе участвующей в погребальном ритуале, стоит комплекс культовых и обрядовых действий, связанных с процессом выделки шерсти, сучением и плетением нитей, изготовлением тканей и одежды и ее ноской. Возможно, обрядами маркировались этапы изготовления одежды. В таком случае последние можно рассматривать как своеобразные обряды перехода, смены состояний материала. Конечной целью всего процесса было получение готового продукта – одежды, наделенной определенными не только материальными и технологическими, но и культовыми характеристиками. Если ритуалы в ходе изготовления одежды были проведены правильно, то одежда, вероятно, считалась культово защищенной, удачливой и т.д.

Проблемой принципиальной важности, с точки зрения семантической интерпретации одежды, является вопрос о ее статусе. Считать ли описанную нами одежду погребальной? Безусловно, ее фрагменты обнаружены в погребении, но наделялась ли одежда ингумируемого человека статусом погребальной? Изготавливалась она специально для погребального обряда, получала ли деструктивные повреждения во время ритуала погребения или же население Верхнего Приобья скифского времени хоронило своих покойников в повседневной одежде? Большинство этих вопросов, к сожалению, остаются без ответа. Однако, исходя из имеющихся в нашем распоряжении представлений о развитии истории костюма, следует, что специальная погребальная одежда появляется на территории Приобья в несколько более позднее время.

Рассмотренные фрагменты ткани позволяют нам говорить о тканевой основе пол наплечной или гашника поясной одежды, о семантической сочетаемости между сырьевой основой и уровнями одежды населения Верхнеобского бассейна эпохи раннего железа. Полученные в ходе анализа обозначенных находок данные позволяют более предметно рассматривать вопросы, связанные с изучением археологического текстиля в рамках предметного комплекса одежды древнего населения Верхнего Приобья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая речка // Материалы и исследования по археологии СССР. № 48. М.; Л., 1956. 163 с.
2. Троицкая Т.Н., Бородавский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма, 1994. 184 с.
3. Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. М., 1997. 195 с.
4. Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 204 с.
5. Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 204 с.
6. Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. 329 с.
7. Головченко Н.Н., Телегин А.Н. Одежда евразийских номадов скифо-сакского времени (опыт разработки типологии и терминологического аппарата) // Вестник Тюменского государственного университета. Тюмень, 2014. № 2. С. 5–13.
8. Глушкова Т.Н. Информативные возможности археологического текстиля Западной Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2003. Ч. I. С. 320–323.
9. Глушкова Т.Н. Схема технологического описания археологического текстиля // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2003. Ч. II. С. 203–206.
10. Глушкова Т.Н., Сутила А.В. Методология и методика источниковедческого исследования археологических текстильных материалов // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. Томск: Аграф-Пресс, 2008. С. 31–34.
11. Глушкова Т.Н. Возможности историко-культурных реконструкций по результатам изучения древнего текстиля как исторического источника // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. тр. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. Ч. I. С. 285–288.
12. Бородавский А.П. К вопросу об использовании костяных орудий из ветвей нижних челюстей с зубами крупного рогатого скота (по материалам эпохи бронзы и раннего железного века из Новосибирского Приобья) // Археологические исследования в Сибири. Барнаул, 1989. С. 59–60.
13. Бородавский А.П. Предметы примитивного прядения как индикатор этнотерриториальных границ Горного Алтая в эпоху раннего железа // Аборигены Сибири: Проблемы изучения исчезающих языков и культур. Новосибирск, 1995. Т. 2. С. 9–12.
14. Бородавский А.П. Проблемы реконструкции специализации производств по обработке органических материалов на юге Западной Сибири в эпоху палеометалла // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 3 (23).
15. Глушкова Т.Н. Археологические ткани Западной Сибири. Сургут: РИО СурГУПИ, 2002. 206 с.
16. Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н.э.). Новосибирск: ИНФОЛИО, 2005. 232 с.
17. Головченко Н.Н. Результаты предварительного технико-технологического анализа образцов ткани из некрополя Новотроицкое-1 (Верхнее Приобье) // Вестник Новосибирского государственного университета. Новосибирск, 2015. Т. 14, № 7. С. 30–38.
18. Binghua Wang, Mair Victor H. Xinjiang Gushi: Gudai Xinjiang Juminji Qi Wenhua (The Ancient Corpses of Xinjiang: The Peoples of Ancient Xinjiang and their Culture). Xinjiang, 2001. 245 p. (на англ. яз.).
19. Ригведа. Мандалы I–IV / отв. ред. П.А. Гринцер. М.: Наука, 1999. 767 с.
20. Ригведа. Мандалы V–VIII / отв. ред. П.А. Гринцер. М.: Наука, 1999. 754 с.
21. Бородавский А.П. Фарн скифского времени в Сибири и особенности изображения рога // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2004. № 4 (20).
22. Головченко Н.Н. Поиск параллелей предметному комплексу одежды населения Верхнего Приобья эпохи раннего железа в гимнах Ригведы // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 1 (33).

Статья представлена научной редакцией «История» 16 марта 2016 г.

ANALYSIS OF TEXTILE RESIDUES FROM A DAGGER OF THE BURIAL NOVOTROITSKOE-2

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2016, 406, 51–55.

DOI: 10.17223/15617793/406/8

Golowchenko Nikolai N. Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russian Federation).

E-mail: nikolai.golowchenko@yandex.ru

Keywords: complex subject of clothing; Early Iron Age; Upper Ob; fragments of textiles.

The aim is to introduce the preliminary technical and technological analysis of tissue samples found in the excavation of grave three burial mound five of the necropolis Novotroitskoye-2; the samples were discovered during the expedition of A. P. Umansky in Tal'menka area of the Altai Territory in 1986. The author describes the materials that have already been published in scientific journals but have not become an object of a focused study yet. The current finding is stored in the Historical Museum of Altai State Pedagogical University under accession code number 61. The described tissue fragment is an example of a textile, probably winding of a dagger which could also be part of clothing covering shoulders or a waist. Analysis of the finding sheds light on some of the features of burial clothes of the ancient population of the Upper Ob, in particular, the fabric of shoulder and waist clothes in the studied region in the Early Iron Age. It was identified that the clothes were made of a plain weave fabric. The analysis of the tissues shows that the raw material used for manufacturing such clothes was wool. The author used a broad source basis to consider the production technology of fabrics and garments for funeral that was typical among the population of northern Asia in the Scythian times. Special attention was paid to the semantics of woolen clothes and hairstyles in the Upper Ob Region basin in the Early Iron Age. Wool as a raw material for basic garments was woven into the beliefs of different peoples of the world, including the Indo-Iranians. For example, in the Rig Veda we often come across a comparison of sacrificial offerings made to the rite with well fabricated wool. The wool-making process itself might well have been a social procedure, a kind of a rite with accompanying rituals, probably related to the initiation of the medium buried to the Khvarenah deity. Similar findings were discovered in the burial sites in Western Siberia, the Altai Mountains and the Taklimakan Desert. There is a notable semantic compatibility between the resource base and the levels of clothing, which expands our understanding of tailoring traditions among the population of the Upper Ob basin in the Early Iron Age. The results obtained allow us to address the issues related to archaeological textiles in the framework of studying clothes of the ancient population of Northern Asia more specifically.

REFERENCES

1. Gryaznov, M.P. (1956) Istoriya drevnikh plemen Verkhney Obi po raskopkam bliz s. Bol'shaya rechka [The history of the ancient tribes of the Upper Ob from excavations near the village Bolshaya rechka]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*. 48.
2. Troitskaya, T.N. & Borodovskiy, A.P. (1994) *Bol'sherechenskaya kul'tura lesostepnogo Priob'ya* [Bolshaya rechka culture of the forest-steppe Ob]. Novosibirsk: Nauka. Sibirskaya izdatel'skaya firma.
3. Mogil'nikov, V.A. (1997) *Naselenie Verkhnego Priob'ya v seredine – vtoroy polovine I tysyacheletiya do n.e.* [The population of the Upper Ob in the middle – the second half of the I millennium BC]. Moscow: Pushkinskiy nauchnyy tsentr RAN.
4. Shul'ga, P.I. (2003) *Mogil'nik skifskogo vremeni Lokot'-4a* [The cemetery of the Scythian period Lokot'-4a]. Barnaul: Altai State University.
5. Umanskiy, A.P., Shamshin, A.B. & Shul'ga, P.I. (2005) *Mogil'nik skifskogo vremeni Rogozikha-I na levoberezh'e Obi* [The burial of the Scythian time Rogozikha-I on the left bank of the Ob River]. Barnaul: Altai State University.
6. Shul'ga, P.I., Umanskiy, A.P. & Mogil'nikov, V.A. (2009) *Novotroitskiy nekropol'* [The Novotroitsk necropolis]. Barnaul: Altai State University.
7. Golovchenko, N.N. & Telegin, A.N. (2014) Clothes of Eurasian nomads at the Scythian and Saxon time (typology and terminology development). *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2. pp. 5–13. (In Russian).
8. Glushkova, T.N. (2003) Informativnye vozmozhnosti arkheologicheskogo tekstilya Zapadnoy Sibiri [Informative potential of archaeological textiles of Western Siberia]. In: Derevyanko, A.P. & Molodin, V.I. (eds) *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Pt. 1. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS.
9. Glushkova, T.N. (2003) Skhema tekhnologicheskogo opisaniya arkheologicheskogo tekstilya [Chart of technological description of archaeological textiles]. In: Derevyanko, A.P. & Molodin, V.I. (eds) *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Pt. 2. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS.
10. Glushkova, T.N. & Sutula, A.V. (2008) [Methodology and methods of source study of archaeological textile materials]. *Vremya i kul'tura v arkheologo-etnograficheskikh issledovaniyakh drevnikh i sovremennykh obshchestv Zapadnoy Sibiri i sopredel'nykh territoriy: problemy interpretatsii i rekonstruktsii* [Time and culture in archaeological and ethnographic studies of ancient and modern societies of Western Siberia and adjacent territories: problems of interpretation and reconstruction]. Proceedings of the XIV West Siberian archaeological and ethnographic conference. Tomsk: Agraf-Press. pp. 31–34. (In Russian).
11. Glushkova, T.N. (2010) Vozmozhnosti istoriko-kul'turnykh rekonstruktsiy po rezul'tatam izucheniya drevnego tekstilya kak istoricheskogo istochnika [Features of historical and cultural reconstructions of the results of the study of ancient textiles as a historical source]. In: Tomilov, N.A. (ed.) *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy* [The integration of archaeological and ethnographic studies]. Pt. 1. Kazan: Institute of History of RT AS.
12. Borodovskiy, A.P. (1989) K voprosu ob ispol'zovanii kostyanykh orudiy iz vetvey nizhnikh chelyustey s zubami krupnogo rogatogo skota (po materialam epokhi bronzy i rannego zheleznogo veka iz Novosibirskogo Priob'ya) [On the use of bone tools of the branches of the lower jaw with teeth of cattle (based on the material of the Bronze Age and Early Iron Age of the Novosibirsk Ob)]. In: Kiryushin, Yu.F. (ed.) *Arkheologicheskie issledovaniya v Sibiri* [Archaeological research in Siberia]. Barnaul: Altai State University.
13. Borodovskiy, A.P. (1995) [Objects of primitive spinning as an indicator of ethno-territorial borders of the Altai Mountains in the early Iron Age]. *Aborigeny Sibiri: Problemy izucheniya ischezayushchikh yazykov i kul'tur* [Aboriginals of Siberia: Problems of study of endangered languages and cultures]. Proc. of the international conference. Vol. 2. Novosibirsk. pp. 9–12. (In Russian).
14. Borodovskiy, A.P. (2013) Issues related to reconstruction of specialization of organic materials processing industries in the south part of Western Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3 (23). pp. 24–27. (In Russian).
15. Glushkova, T.N. (2002) *Arkheologicheskie tkani Zapadnoy Sibiri* [Archaeological textiles of Western Siberia]. Surgut: Surgut State Pedagogical Institute.
16. Polos'mak, N.V. & Barkova, L.L. (2005) *Kostyum i tekstil' pazyryktsev Altaya (IV–III vv. do n.e.)* [Costume and Textiles of Altai Pazyryks (4th–3rd centuries BC)]. Novosibirsk: INFOLIO.
17. Golovchenko, N.N. (2015) Rezul'taty predvaritel'nogo tekhniko-tekhnologicheskogo analiza obraztsov tkani iz nekropolya Novotroitskoe-I (Verkhnee Priob'e) [The results of the preliminary technical and technological analysis of tissue samples from the necropolis Novotroitskoe-I (Upper Ob)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik Novosibirsk State University*. 14:7. pp. 30–38.
18. Binghua Wang, Mair, V.H. & Xinjiang Gushi. (2001) *Gudai Xinjiang Juminji Qi Wenhua* [The Ancient Corpses of Xinjiang: The Peoples of Ancient Xinjiang and their Culture]. Xinjiang. (In English).
19. Grintser, P.A. (ed.) (1999) *Rigveda. Mandaly I–IV* [Rig Veda. Mandala I–IV]. Moscow: Nauka.
20. Grintser, P.A. (ed.) (1999) *Rigveda. Mandaly V–VIII* [Rig Veda. Mandala V–VIII]. Moscow: Nauka.
21. Borodovskiy, A.P. (2004) Farn skifskogo vremeni v Sibiri i osobennosti izobrazheniya roga [Khvarenah of the Scythian time in Siberia and features of the horn image]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii*. 4 (20).
22. Golovchenko, N.N. (2015) Search parallels subject complex of clothing population of the Upper Ob Early Iron Age in the hymns of the Rig Veda. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 1 (33). pp. 111–115. (In Russian).

Received: 16 March 2016